

Сергей
Новиков

Шушель

Лирическая повесть
из жизни собак, или сказка
с бытовыми подробностями

Сергей Новиков

**Шушель. Лирическая повесть
из жизни собак, или сказка
с бытовыми подробностями**

«Издательские решения»

Новиков С.

Шушель. Лирическая повесть из жизни собак, или сказка с бытовыми подробностями / С. Новиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858334-6

Рекомендуется великовозрастным романтикам, страдающим от похмелья. Начало в духе «ой, где был я вчера — не скажу, хоть убей». стыдно, болит голова, а обстоятельства подталкивают к женитьбе чёрт знает на ком. Потом комедия ошибок и счастливый финал.

ISBN 978-5-44-858334-6

© Новиков С.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Шушель
Лирическая повесть из жизни собак,
или сказка с бытовыми подробностями

Сергей Новиков

© Сергей Новиков, 2018

ISBN 978-5-4485-8334-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Жара была такая, что мухи дохли. На придвинутой к дивану табуретке стоял стакан с газированной минералкой. Налитая несколько часов назад вода апатично (не чаще двух-трёх в минуту) запускала со дна стакана крошечные, слабосильные пузырьки. Суетясь и вихляя, пузырьки бежали к поверхности и иногда попадали в уморённую жарой, вяло копошащуюся в стакане муху.

Шушель лежал на диване, смотрел на выдохшуюся минералку и страдал. Испытываемые им ощущения были примерно такие же, какой разглядываемая вода, вероятнее всего, была на вкус.

В это по всему неудачное утро (хотя на дворе и стоял самый что ни на есть день, у Шушеля было утро – а как ещё называть время суток, если ты только-только проснулся?), Шушель очень походил на помятого, с физиономией в крупную складку, с отёчными и несчастливими глазами, с безвольно висящими губами и с нечищеными клыками – одним словом, очень походил на мающегося после вчерашнего молодого кобеля породы мастино-наполетано, каковым, впрочем, и являлся.

Привстав, Шушель утёр покрытую испариной морду подолом футболки, выловил из стакана муху, брезгливо вылил в глотку остатки минералки (лакать воду он не стал, чтобы не вытошнило от противности) и, наконец, позволил себе закурить – Шушель берёт здоровье и давным-давно запретил себе курить на совсем уж пустой желудок. Никотин немного взбодрил Шушеля, и он принялся вспоминать вчерашнее. Открыл шлюзы для потоков сознания и увидел очень красивую картинку. Картинка напоминала не самый знаменитый квадрат художника Малевича – тот, который белый. Шушель закурил еще одну сигарету, призвал всё своё мужество, вздохнул, прикрыл глаза и выпустил на волю подсознание. Подсознательное исторгло из могучей грудной клетки Шушеля протяжный стон, стон Шушель тут же попытался замаскировать пением, но, вспомнив, что он один, а себя не обманешь, снова застонал, и снова устыдился – хотя бы и перед собой – и опять запел.

«Плохо дело, – подумал наш герой, – но нахожусь я, несомненно, дома. Это уже хорошо». Он осторожно приоткрыл один глаз – чтобы проверить это самонадеянное «несомненно», в котором он, если по правде, вовсе не был уверен – и вздохнул, но уже облегчённо, узнав диван и обнаружив за окном привычный пейзаж. «Моя, – констатировал второй глаз Шушеля, имея в виду, конечно, квартиру. – Теперь по пунктам». И он придвинул к себе телефон.

Собственно, пунктов оказалось немного много. Сначала выяснилось, что накануне отмечали наступающее первое мая. Узнать про первое мая было не очень трудно – Шушель позвонил друзьям и на весьма бодрое (друзья, очевидно, здоровье не берегли и успели на пустой желудок не только покурить, но и выпить), так вот, на бодрое «С праздником!», он бормотнул «Вас также» и вспомнил про наступивший праздник. Это первое. Заодно выяснилось, что праздник вчера у него с этими друзьями был порознь. Это второе. А Шушель слыл субъектом разборчивым и в своем не очень старом, но и не совсем уж щенячьем возрасте (по-людски считать – лет двадцати пяти от роду) не имел столько друзей, чтобы всё утро посвящать методу исключения. Оставался только один дом, где Шушеля принимали на правах близкого друга. И так уж сложилось, что пил он больше, чем все обитатели и гости этого очень приличного дома вместе взятые. Вот вчера, кажется, и допился.

Сознание больше не напоминало белый квадрат – картинку рассекала горизонтальная черта красного цвета, которую Шушель вчера перешёл. Над чертой располагался бесцеремонно ввалившийся из другой поговорки монастырь, под который его подвели, или точнее сказать, под который он сам себя подвёл.

Итак, прошлым вечером, изнывая от скуки в до чёртиков приличном обществе, он выбрал себе симпатичную, но замордованную бытом левретку, доподлинно разузнав, что она свободная, и принялся делать предложение. Нет, Шушель всё-таки был приличным кобелем и предложение делал не то, которое вы подумали, а руки и сердца. Однако предлагал не правду, а так, развеяться. То есть сначала Шушель просто флиртовал, левретка посмеивалась, потом Шушель выпил ещё чуть-чуть и начал увлекаться, но не левреткой, а собственным красноречием, левретка тоже выпила чуть-чуть и этот нюанс в увлечённости Шушеля упустила, приняв, разумеется, увлечённость на свой счет. Шушель очень смутно помнил аргументы, которые он вчера использовал, чтобы произвести впечатление. Начиналось, кажется, с демонстрации богатого духовного мира посредством цитирования классики, а кончилось, как водится, швырянием изрядных денег на продолжение банкета. Но вот одно он помнил точно: когда он в отчаянии вскричал (разочаровавшийся в возможностях, предоставляемых образованием гуманитария, Шушель ныне грузил мясо на хладокомбинате): «Да ведь всегда при мясе будем!» – левретка определённо поверила в искренность намерений Шушеля и, кажется, совершенно серьёзно согласилась пойти за него. Причём, лет левретке было побольше, чем Шушелю, и печальный опыт хождения за кого-то она уже имела. То есть на молоке обжигалась, а вот на воду, которую в избытке лил вчера пьяный Шушель, ни о какой женитьбе сроду не думавший, почему-то не подула, а, стало быть, влип он крепко. Как теперь выбираться из этой дурацкой истории без ущерба для репутации и конец расшатанных нервов, Шушель понятия не имел. Воссоздав картину, он в ужасе закрыл глаза, но не успел. Подсознательное снова полилось наружу тяжёлым стоном, и снова Шушель притворился, что поёт.

«Язык мой – враг мой», – меланхолично подумал он и вывалил наружу обширный, но несколько суховатый после вчерашнего язык. Языком своим Шушель втайне гордился, и зрелище его увлекло. Он с удовольствием принялся рассматривать язык в зеркале, не без гордости отметив: «Такой ведь и до Киева доведет!», – и загрустил. Насколько он помнил, в Киеве у злополучной левретки жили родственники.

Тут надо небольшое отступление. Вообще-то Шушель был одинок. Он давно запретил себе верить, что его восторженная влюблённость когда-либо совпадёт с чувствами собаки, в которую он влюбился. Однако этот запрет не мешал ему увлекаться примерно раз в два года какой-нибудь очаровательной особой, после чего Шушель носил в груди светлый образ – плод его безудержного воображения, подкреплённого поэтами, музыкантами, кинематографистами и писателями. Шушель разговаривал (про себя, разумеется) со своей избранницей и фантазировал про разные случаи из их встреч, прощаний и обещаний завтра увидеться непременно. Время от времени (впрочем, случалось это крайне редко) Шушелю мерещилось, что есть надежда на взаимность, и тогда он не только подвывал от избытка чувств, но даже бросался писать стихи. Такие переживания Шушель считал главными в своей жизни и почти не обращал внимания на разных случайных подружек, удовлетворявших его кобелиные надобности. В принципе, жениться ему, как это любят говорить в народе, может, и надо было бы, но, сказать по секрету, аксиому про невозможность взаимности Шушель придумал для утешения – втайне он продолжал верить.

Столь тонкая душевная организация, считал Шушель, вполне извиняла его за вчерашнее. Однако были все основания полагать, что левретка думает иначе.

«Надо что-то делать, – Шушель потихоньку оживал и даже осторожно попробовал пройти по комнате. – Перво-наперво – выяснить, что у нас с ней было. Вроде ничего, но тогда откуда я помню этот шрам за ухом? Ну, нет, здесь её точно, кажется, не было, а там весь вечер хозяева были дома, да и комнат небогато. Впрочем, люди понятливые, но не настолько же. Шрам... Маленький такой шрамик... Хорошо, кстати, что за ухом, а не где ещё... М-да. Уже легче. А, может, это вообще чужой? В смысле, мало ли я кого знал так близко, чтобы вспомнить про шрам и про ухо?»

Последняя мысль несколько отвлекла Шушеля и он решил закрепить успех – сел и, следуя советам психоаналитиков, подробно обрисовал всё в письме иногороднему другу. Для начала изобразил свои метания в поисках любви, робко надеясь себя хоть чем-то оправдать, потом завернул повествование в лёгоньком таком, ироничном ключе, а уж после, перечитав начало и взглянув на всё как бы со стороны, Шушель на правах автора обругал своего героя мудаком и раздолбаем (не совсем, правда, доверяя этой оценке – что взять с похмельной собаки). Он ещё раз перечитал письмо и заулыбался. «Какой занятный малый! Интересно, как он выкрутится?» Но сразу вспомнил, что это, собственно, про него самого и, что характерно, им же самим и написано, помрачнел, потом встал на четвереньки и встряхнулся. Тяжёлая шкура переваливалась туда-сюда через позвоночник раза в два медленнее, чем обычно, но в целом процедура помогла. Когда последним аккордом отзвенел вытянутый в струну хвост, Шушель потянулся, припав на передние лапы и решил: «Нельзя сидеть в четырёх стенах! Здесь в пору с ума сойти. Отправить письмо – вот занятие. Заодно и проветрюсь».

2

Город после вчерашнего праздника ожидания праздника (жителям предстояло пережить еще четыре выходных дня) едва ли чувствовал себя лучше, чем Шушель, а уж выглядел и того хуже. Раскалённый асфальт дышал перегаром, и по его (асфальта) лицу редкие прохожие катали пустые пивные жестянки. Обалдевшие от порции аномальной жары зелёные почки распускались, казалось, прямо на глазах. Шушель с тоской глядел на деревья и думал, что на природе он не был очень давно.

Опустив письмо, он побрёл на набережную. У реки было чуточку свежее. Ветерок время от времени вспоминал о своих обязанностях, да, видно, никак не мог определиться, куда дуть – с воды на берег или с берега на воду. Вода в реке была по-весеннему мутная, но, как отметил хвост Шушеля, употреблённый за термометр, не по-весеннему теплая. «Окунусь», – решил Шушель и нырнул.

Он уже вырливался на фарватер, когда с крохотного, незаметного с берега пляжика, расположенного чуть выше по течению, послышались знакомые голоса. Шушель наострил уши, повернул голову и увидел за изгибом небольшого мыса весёлую компанию. «Какое приятное совпадение», – подумалось ему, хотя на самом деле это было не то чтобы приятное совпадение, а, скорее, приятная забывчивость – друзья, которые с утра поздравляли Шушеля с праздником, говорили, что намерены выбраться к реке, и зазывали его с собой, да тогда он ещё не успел, если вы помните, прийти в себя.

– Рэкс! Рэкс!! – радостно закричал Шушель и, энергично перебирая перед собой лапами, так, что они (лапы) даже выпрыгивали из воды и колотили по ней сверху, принялся загребать к берегу.

Рэксом звали лучшего (а, впрочем, какие еще бывают друзья, если не лучшие) друга Шушеля. Рэкс был крупной овчаркой, да это, как вы уже поняли, и не особенно важно для нашего рассказа, кто там какой породы; куда интереснее обстоятельства, при которых Шушель и Рэкс познакомились. Пару лет тому неотразимое обаяние жены Рэкса, красавицы Арты, и злые языки, нашептавшие Шушелю, что муж Арты – сущее чудовище, и хроническое одиночество Шушеля; в общем, все перечисленное как-то само собой привело к тому, что Шушель начал волочиться за Артой. Она его ухаживаний не принимала, но ведь и сказать, что она их решительно и бесповоротно отвергала, тоже было нельзя. Неизвестно, какие бы неприятности ждали Шушеля, уверенного в своих благих (муж-то чудовище!) намерениях, если б случай не свел его с Рэксом. Чудовище оказалось предупредительным и премилым, с преизрядным, к тому же, чувством юмора. И пока Шушель горел от стыда, то и дело роняя что-нибудь из лап и натываясь на мебель, Рэкс припрыгивал вокруг, лукаво посматривал на Шушеля и не без весёлости (но уж точно без злобы) приговаривал: «А вовремя мы с тобой познакомились-то!»

И вот от избытка благодарности за столь ловкое разрешение неловкой, в общем-то, ситуации, и за очевидные достоинства Рэкса Шушель сразу проникся к нему симпатией. С чего Рэкс начал симпатизировать Шушелю, Шушель не понимал, да потом они как-то незаметно подружились, и Шушель перестал задавать себе этот вопрос.

За воспоминаниями Шушель не заметил, как добрался до пикникующих. Пока он галантно, с подчеркнутой отстранённостью, целовал Арте лапу и тепло хлопал Рэкса по спине, остальные участники пикника, вдохновлённые примером Шушеля, попрыгали в воду. Арта зябко повела плечиками и выразила желание глядеть на уголья в костерке, а Шушель с Рэксом отправились в лавку пополнить припасы.

Из лавки они возвращались не спеша – шли степенно, заложив передние лапы за спину (мешки с провизией и горячительным висели на шеях). Шушель волновался и рассказывал о своих злоключениях сбивчиво, перескакивая с пятого на десятое. Рэкс, который был старше

Шушеля и нередко называл его «мой юный друг», смотрел на друга с лукавым прищуром (прижившимся, очевидно, после первой их встречи).

– Ну что ж, мой юный друг! – нарочно грассируя и как бы даже важничая, произнес Рэкс, но не выдержал, расхохотался и упруго прыгнул на стену. – Она хоть хорошенькая?

– Да как тебе сказать, она, в общем, и неплохая, и заброшенная какая-то, что даже жалко её, но ведь не могу же я теперь с ней за это жить! – Шушель разволновался, полагая, что Рэкс не понял его тревог и хочет убедить, мол, хорошенькая – и слава богу, а жениться тебе надо... И так далее.

– Зря нервничаешь! Не предлагаю ж я тебе и впрямь на ней жениться. Но помочь можно. Есть у меня одна идея, – и Рэкс снова расхохотался. Да так разошелся, что позволил себе даже совершить несколько щенячьих прыжков на всех четырёх лапах. – Главное – ты меня с ней познакомь.

В чем состоит его идея, Рэкс, вновь напустивший на себя важный вид, сообщать Шушелю пока отказывался.

– Так, – говорил он таинственно, – одна идея. На крайний такой случай. Да и обмозговать надо. Позвони завтра – если уж все так серьёзно обернется. А то вдруг тебе причудилось.

Солнце, большое и малиновое, как варенье, любимое Шушелем, и как уголья, на которые любовалась Арта, висело над рекой, а Шушель улыбался и глядел поочередно на солнце, уголья и Арту. Рэкс с Артой переглянулись и участливо спросили Шушеля, намекая на приятное во всех отношениях общество и времяпрепровождение, которые и впрямь благотворно отразились на лице, пардон, морде Шушеля – складки расправились, глаза посветлели и заблестели, клыки чудесным образом (или об еду) отчистились – в общем, Рэкс и Арта спросили:

– Ну что, кажется, жизнь-то и налаживается?

– Угу, – только и смог ответить Шушель, и «угу» это получилось даже каким-то мурлыкнувшим, что, впрочем, было вполне уместно в виду приятнейшей, во всем теле и голове, ленивости.

Ночью Шушель шёл к дому пешком, недалеко, две остановки на троллейбусе, и всё вокруг, включая самого Шушеля, дышало – сам Шушель широким и красивым носом, ночь – прохладой, а воздух – ранней и влюбчивой весной. Дома Шушель спал, и ему снились прекрасные, но предсказуемые стаффордширки, интеллигентные, и оттого скучноватые, таксочки, а также вечные щенки – беззаботные и трогательные спаниельки. Наверное, собачий бог охранял сон Шушеля, и левретки ему сегодня не снились.

3

Жара собиралась стоять такая же, как и накануне, но она должна была случиться попозже. А вот без насекомых и в это утро не обошлось – Шушеля разбудил комар. Бесстыжий кровосос так обожрался за ночь, что не смог вовремя взлететь с носа Шушеля, которым тот предыдущим вечером так упоительно дышал, и обжорство это стоило комару жизни. Шушель хлопнул лапой по носу наугад, не открывая глаз, потому что, во-первых, он не собирался пока просыпаться, а во-вторых, движение век могло спугнуть комара раньше, чем лапа долетела бы до носа. «Расплодились», – с неудовольствием подумал Шушель, потянулся, перевернулся и (конечно же, с удовольствием) начал перелистывать свои первые весенние сны, чтоб выбрать, какой смотреть дальше. Но скорость, с которой таяла волшебная картинка на едва открытой странице, говорила о том, что magic откладывается до следующего утра, а сегодня пробуждение уже состоялось.

Гимнастикой по утрам Шушель не занимался – он где-то вычитал, что сердцу необходимо время, чтобы проснуться, и Шушель любезно предоставлял своему большому сердцу такую возможность. На работу можно было не ходить ещё три дня, читать или слушать музыку с утра не хотелось, и тут хорошо было бы включить телевизор – включить для фона, то есть исключительно ради ощущения связи с родной страной и её населением, но телевизора не было. Из развлечений оставался только телефон. Шушель с опаской посмотрел на аппарат – не позвонит ли тот вдруг голосом левретки, и решил набрать Рэкса – попытаться насчет спасительного плана. Однако стоило ему протянуть лапу к трубке, как опасения начали сбываться – телефон зазвонил.

– Да! – рявкнул Шушель в трубку, изобразив все оттенки недовольства; так обычно отвечал его начальник – будто бы того оторвали от государственных по важности дел, а не от тяжёлого похмельного сна ухом на телефоне. – Слушаю!!

– Слушаю! – очень противно попыталась передразнить Шушеля трубка, и просыпающееся в приятных потягиваниях сердце Шушеля вдруг бухнуло и понесло. Дразнилась левретка. Шушель закрыл микрофон лапой, глубоко вдохнул, выдохнул, снова вдохнул, успокоился (чему быть и т. д.) и продолжил неудовольствоваться.

– Кто?

– Конь в пальто, – на этот раз левретка дразнилась со смыслом и не без интимности – про коня Шушель часто говорил сам и слово это любил. Пришлось признавать абонента.

– А, привет.

– Привет. Узнал?

«Интересно, скажет ещё раз про коня или нет? – подумал Шушель. – Впрочем, с неё станется».

– Узнал. А это кто? – Шушель заранее поморщился.

– Конь. В пальто.

– А, так это ты. Привет.

– Так это я. Привет.

Шушеля стала занимать эта игра в повторялки, но он решил не тянуть, а выяснить, что у них было и как они вообще договорились. Следует ли им чинно встретиться и послушать, что прикажет сердце, или же Шушелю, как честному кобелю, уже пора собираться в контору, где записывают акты, так сказать, гражданского состояния. Но как об этом спросить, да, чёрт возьми, как?

– Ты что, не рад? – спросила левретка (кстати, имя у неё было примерно настолько же приятное уху Шушеля, насколько Шушель был сейчас рад) – левретку звали Люся. Не «Люси», что звучало бы прелестно при ударении на любой слог, а именно Люся. Это, вполне себе нор-

мальное, кстати, имя отчего-то тащило подсознание Шушеля к депрессивным ассоциациям – мещанство, лицемерие, скрытая агрессия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.